

Научная статья

УДК 81'27

DOI 10.17223/18137083/95/16

**«А потом мы вернулись в марийскую деревню»:
к вопросу о новых носителях марийского языка
в старых диаспорах**

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

marina.kutsaeva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Аннотация

На материале, полученном в результате проведения социолингвистических обследований в марийских диаспорах Башкортостана и Татарстана, рассматривается вопрос новых носителей марийского. Их лингвистические биографии отличаются от биографий традиционных носителей ввиду миграций и проживания в детстве и юности в местах дисперсного расселения марийцев и последующего возвращения на малую родину. Исследуются источники и способы приобщения новых носителей к языку, мотивация к освоению марийского, текущие речевые практики и обуславливающие их языковые идеологии, усилия по реконструированию этнической идентичности и реинтеграции в традиционное марийское языковое сообщество.

Ключевые слова

марийский язык, новые носители, традиционные носители, речевые практики, языковые идеологии, этнический язык, этническая идентичность, марийские диаспоры

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №24-28-00157 «Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах»

Для цитирования

Куцаева М. В. «А потом мы вернулись в марийскую деревню»: к вопросу о новых носителях марийского языка в старых диаспорах // Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 239–251. DOI 10.17223/18137083/95/16

© Куцаева М. В., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 239–251
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2, pp. 239–251

“And then we returned to the Mari village”: On the problem of new Mari speakers in old diasporas

Marina V. Kutsaeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

marina.kutsaeva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Abstract

This paper presents the findings from sociolinguistic surveys conducted in 2024 among the long-standing Mari diaspora communities in Bashkortostan and Tatarstan. The surveys focused on the phenomenon of “new speakers.” Of a sample of 287 respondents, 18 were identified as new speakers. Their linguistic biographies differ significantly from those of traditional speakers, primarily due to their childhood residence in dispersed settlement areas following Soviet and post-Soviet migrations. Upon returning to their ancestral homelands, these individuals had to reintegrate into the Mari-speaking community, a process involving unique motivations for language acquisition and a profound drive for identity completion. This study explores how Mari speech practices are shaped by two core linguistic ideologies. The ideology of authenticity links the ethnic language to particular rural areas (Mari villages), whereas the ideology of anonymity portrays Russian as the standard language for urban and public spaces. According to our previous research findings, the Mari language within traditional Mari communities is regarded as an integral part of the Mari people’s ethnic identity and sense of belonging. This perspective is consistent with the essentialist viewpoints commonly observed in minority language communities worldwide. Consequently, new speakers raised in Russian-dominant environments often encounter substantial social and psychological barriers. Upon returning to rural areas, they must navigate these essentialist views in order to reconstruct their ethnic identity and gain acceptance within traditional speaker communities. The article concludes that for these “new speakers,” language is not merely a tool for communication, but also a contested site of belonging.

Keywords

Mari language, new speakers, traditional speakers, speech practices, linguistic ideologies, ethnic language, ethnic identity, Mari diasporas

Acknowledgments

The research was conducted as part of the Russian Science Foundation (RSF) project No. 24-28-00157, “Functioning of Mari Idioms in Old Diasporas”

For citation

Kutsaeva M. V. “A potom my vernulis’ v mariyskuyu derevnyu”: k voprosu o novykh nositelyakh mariyskogo yazyka v starykh diasporakh [“And then we returned to the Mari village”: On the question of new Mari speakers in old diasporas]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 2, pp. 239–251. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/95/16

Введение

Марийцы являются коренным народом Среднего Поволжья. Значительная часть марийского населения расселена за пределами титульной республики компактными или дисперсными группами, ср.: из 423 803 марийцев РФ в Республике Марий Эл проживают 246 560 чел. (ВПН, 2020). Вторичный ареал расселения марийцев сложился в Прикамье и Приуралье в XVI–XVIII вв. в результате присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству, черемисских войн,

ужесточения социального и религиозного давления и, как следствие, массовых миграций марийцев; на новых территориях сформировались этнические диаспоры, образовалась этнографическая группа *эрвел мари*, восточных марийцев [Сепеев, 2006, с. 188]. Они проживают компактно в Башкортостане, Татарстане, где насчитывается 84 988 и 15 666 марийцев соответственно (ВПП, 2020). Новые миграционные процессы охватили население страны в советский период: марийцы переселялись добровольно или вынужденно во многие регионы СССР; увеличилась доля марийского населения в Сибири, Казахстане, Нижнем Поволжье, центральных районах – там возникли дисперсные марийские группы [Там же, с. 189].

Как показали результаты полевого исследования в сообществе московских марийцев, выходцев из Республики Марий Эл и других мест компактного проживания марийцев, обосновавшихся в Москве, одним из ключевых факторов этнической идентичности является этнический язык. Однако в условиях дисперсного проживания, особенно в городской среде и полиэтничном окружении, наблюдается слабая межпоколенческая передача этнического языка – возникает проблема сохранности границ этнической группы в следующем поколении [Куцаева, 2022, с. 40]. Тем не менее в выборке зафиксированы случаи, когда некоторые представители второго поколения диаспоры, а также переехавшие в московский регион марийцы в первом поколении, «не получившие» марийский от родителей, прилагают усилия по восстановлению утраченного языка [Куцаева, 2021, с. 12].

В 2024 г. были проведены экспедиции в Башкортостане и Татарстане в целях описания функционирования марийских идиомов в старых диаспорах. В обследовании приняли участие 287 чел. в возрасте от 12 до 88 лет: учащиеся, педагоги школ, представители администрации, работники культуры, сельского хозяйства, участники творческих коллективов, пенсионеры и др. В работе использовалась социолингвистическая анкета, состоящая из четырех основных блоков и содержащая около 30 вопросов. Интервью длительностью от 40 до 60 минут проводились индивидуально, ответы документально фиксировались, дешифровывались, данные статистически обрабатывались.

В выборке выявлена категория лиц, чьи языковые биографии не вписываются в шаблон биографий респондентов, уроженцев *марийских* районов Башкортостана или Татарстана, – воспитание в дошкольном возрасте (с рождения) на марийском, освоение русского в качестве второго языка, обучение в начальной школе на марийском языке, с переходом в среднюю – на русском, изучение в школе предметов «Марийский язык» и «Марийская литература», марийское окружение, использование преимущественно марийского языка в настоящее время и пр. В отличие от большинства опрошенных, они с некоторым колебанием соглашались принять участие в опросе, поскольку их лингвистические биографии выходят за рамки стандартных языковых траекторий. В их биографиях отсутствует один или несколько пунктов из тех, что были перечислены выше. «Вы меня извините, но я тот еще кадр, – в крайнем смущении сказал один из респондентов группы в самом начале интервью. – Я марийский только учу». Исследованию этой важной, хотя и незначительной в количественном отношении (18 из 287 чел. в сводной выборке) группы – новых носителей марийского в старых диаспорах – и посвящена данная работа. Будут рассмотрены их языковые биографии, мотивация к изучению этнического языка, усилия по реконструированию этнической идентичности и реинтеграции в традиционное марийское языковое сообщество, трудности, вы-

званные распространенными идеологиями – аутентичности и анонимности, которые приходится преодолевать новым носителям марийского.

Результаты и обсуждение

Обзор источников свидетельствует о том, что за последние полтора десятилетия тема новых носителей стала неотъемлемой частью социалингвистики и, в частности, исследований, посвященных ревитализации миноритарных языков. Полевая работа в разных точках мира позволяет дополнить, уточнить определение новых носителей. В результате констатируется переход от понятия, «еще не получившего должного освещения в специальной литературе» [Grinevald, Bert, 2011, p. 49–52], к концепту [Jaffe, 2015, p. 23] и термину [O'Rourke, 2018, p. 265], которые прочно вошли в базовую типологию херитажных языков (см., например, [Farfán, Olko, 2021, p. 95]). В отличие от других терминов, которые используются в этой области, например *полуязычные*, термин *новые носители* имеет более позитивную коннотацию [Jaffe, 2015, p. 23], что также способствует его употреблению.

В широкой трактовке к новым носителям относятся те, кто имел небольшой контакт (или вовсе не получил его) с языком предков в семье или в языковом сообществе, но овладел им через систему образования или во взрослом возрасте и предпочитает использовать его в целях коммуникации [O'Rourke, 2018, p. 265; Ó Murchadha et al., 2018, p. 1–8]. Новые носители, владеющие мажоритарным языком в качестве функционально первого, предпринимают осознанные усилия по восстановлению материнского языка а качестве второго или даже третьего языка [Farfán, Olko, 2021, p. 98], однако отметим, что речь не обязательно идет о материнском (этническом) языке – новыми носителями могут быть и внешние по отношению к этнической группе лица, освоившие язык этой группы, – важно именно позитивное отношение к языку и желание выучить его и использовать в повседневной жизни [Grinevald, Bert, 2011, p. 49–52]. Так, в экспедиции нам довелось встретить двух татар и трех удмуртов, живущих среди марийцев и успешно освоивших родной язык своих супругов, этнических мари. Наиболее близкой к нашей теме является работа [O'Rourke, Ramallo, 2018], фокус-группой которой выступают вернувшиеся на малую родину мигранты, пассивно владеющие языком: в детстве они, возможно, слышали язык дома, когда на нем разговаривали родители, или среди родственников. В любом случае переход на *большой* язык в семейной языковой биографии осуществился относительно недавно. Этнический язык может считаться частью их повседневной жизни, но только с того момента, когда они приняли осознанное решение самостоятельно его использовать [Ibid., p. 95]. И в этом стремлении восстановить утраченный язык *новые носители* отличаются от *символических говорящих*, которые используют несколько шаблонных фраз в целях идентификации в качестве членов группы [Farfán, Olko, 2021, p. 98]. Как видим, новые носители не составляют однородную группу, и дефиниции тех, кто может быть определен в качестве новых носителей, варьируют в зависимости от социалингвистического контекста [Куцаева, 2021, с. 9–10].

В некоторых случаях новые носители рассматриваются в качестве не только аналитической, но и дескриптивной категории [O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 95]: в контексте трех миноритарных сообществ (баскского, галисийского, бретонского), это и категория самоопределения для тех, кто выучил язык в школе или во взрослом возрасте [O'Rourke et al., 2015, p. 3–4]. Отметим, что в нашем иссле-

довании *новые носители марийского* употребляются исключительно в качестве аналитической категории; о том, как определяются эти лица традиционным сообществом, будет сказано ниже.

Выборка представлена 18 респондентами, проживающими ныне в Мишкинском, Калтасинском районах Башкортостана и Агрызском, Кукморском районах Татарстана: 11 женщин и семь мужчин, в возрасте от 17 до 70 лет. В языковых биографиях опрошенных прослеживаются два основных сценария. Первый: респонденты родились в марийской деревне и в младенчестве (дошкольном, раннем школьном возрасте) переехали с родителями в другой регион, где проживали в сельской местности или в городе, затем вернулись на малую родину. Второй: респонденты родились в семье марийцев, обосновавшихся в другом регионе, в селе или городе, потом вернулись на малую родину родителей. В выборке ключевыми направлениями миграций были Казахстан, Узбекистан, Удмуртия, Томск, Магнитогорск, Сургут, Кемерово, Курган, Новокузнецк, Свердловск, Челябинск, а наиболее массивными группами являются когорты 41–50 (шесть человек) и 51–60 (пять человек), что в целом соответствует данным Г. А. Сепеева [2006, с. 162] о характере и периоде миграций марийцев: освоение целины, переселения в места разработки и добычи полезных ископаемых, лесоразработки и пр. в 1950–1980-х гг.

Опрошенные родились в семьях, где оба родителя – марийцы, в 16 случаях в выборке старшее поколение владело этническим языком, для них марийский являлся функционально первым; периодически, даже в условиях иноязычного окружения, общение родителей между собой было на марийском. Два младших участника опроса родились в семье этнических марийцев, не владеющих марийским языком, – также наших респондентов, которых мы отнесли к категории новых носителей. Семья переехала на малую родину родителей (бабушки) с Севера.

Тот, кто родился в марийской деревне и провел там дошкольные годы, изначально был погружен в марийский (меньшинство в выборке), переезд в русскоязычную среду давался им нелегко. «Окружение абсолютно было марийское. Русский язык только услышал в школе, в первом классе. Это было непонятно, ощущение такое: зачем это надо? И вообще – что это такое? Внутренне было непонятно. А потом, когда переехали в чужую среду, мне было очень тяжело, приходилось общаться на русском» (№ 1, М., 58)¹. «Третий класс я приехала – тяжело было для меня, потому что город большой, школа большая и все разговаривают на русском. Я маме говорила: “Отвезите меня обратно!”. И пришлось маме меня два года в деревню не отпускать, я ездила в “Артек”. Обучаться русскому языку, чтобы именно знала» (№ 14, Ж., 48).

Для большинства респондентов функционально первым языком в иноязычной среде выступал русский: на русском было обучение в школе, русский – язык межнационального общения – окружал детей во дворе. Внутрисемейное общение было более нюансированным: родители между собой часто использовали марийский, иногда обращались на марийском к детям. «В Курганской области у нас еще родственники были, они между собой на марийском. С ними родители разговаривали. И с нами тоже разговаривали. Например, мама – раз: “*Айда кочкаш*” (идите есть. – М. К.). Такие элементарные вещи понимал» (№ 2, М., 38). Кроме того, дети проявляли интерес к языку, который они слышали. «В Челябинской области мы

---

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся: номер анкеты, пол, возраст респондента.

разговаривали на русском языке, но родители между собой разговаривали на марийском. Но я такая была любознательная! Когда ложилась спать, всегда у мамы спрашивала: “Мама, как будет по-марийски ‘холодильник’? Мама, как по-марийски будет ‘стол’? Мама, как по-марийски будет ‘стул’?” Вот я это из детства помню. Она мне всегда отвечала. Может, я и не запоминала названия слов. Но помню, я это всегда спрашивала» (№ 7, Ж., 39). Основным языком общения в семье был русский: «В приоритете, это же город, здесь русскоговорящие, чтобы мне было легче учиться, мама как педагог решила, что все-таки лучше на русском» (№ 4, Ж., 44).

Марийский в лингвистическом багаже опрошенных был представлен в виде отдельных лексических единиц, императивных конструкций; в целом у них сформировалось пассивное знание этнического языка. «Предложения я понимала, но отвечать я больно не умела. То есть они разговаривали, мы понимали, но так, чтобы предложения соединить, сказать самим – было трудно» (№ 5, Ж., 50). В отношении языка внутрисемейного общения исключение составили, как мы пояснили выше, два младших респондента: их родители выросли в местах дисперсного расселения марийцев, марийский слышали эпизодически в детстве от своих родителей и со своими детьми употребляли русский.

В условиях дисперсного проживания за марийским языком прочно закрепляется функция «тайного» языка [Куцаева, 2022, с. 33]. *Секретный марийский* используется родителями в отношении детей, а также в определенных обстоятельствах и в минимальном объеме – всеми членами семьи во *внешнем* мире. «Было такое, что хотелось понять, о чем родители между собой говорят, это, скорее всего, секреты были, наверное» (№ 7, Ж., 39). «Но секреты они говорить не могли! Я понимала язык. Я говорила: “Вы вот это сказали друг другу. А чего меня не спросили?”. Они потом уже просто не секретничали, потому что знали, что я могу понять, что они говорят» (№ 17, Ж., 56). «Детский возраст. Мы поехали на юг с родителями на поезде. Мне нужно было спросить у родителей что-то в купе. Помню, начала спрашивать по-марийски, чтобы соседи не поняли» (№ 4, Ж., 44).

В марийской деревне респонденты обосновались в разное время: четверо переехали, будучи учащимися 3–4 классов, один – в выпускном классе школы, восемь человек – по окончании учебы в техникуме или вузе, пятеро вернулись уже взрослыми. Мотивация тех, кто приехал, в общих чертах сводится к следующему: «вернуться на родину, к бабушке, к своим». Несколько женщин в выборке «вышли замуж в марийскую деревню». Особняком в этой группе представлена семейная пара – родители младших участников опроса. «В таком возрасте, как мы приехали, мы здесь единственная семья. В основном пенсионеры возвращаются. А мы вернулись тогда с маленькими детьми. Нас, конечно, многие не понимали, задавались вопросами. Я всегда говорю, что на это было несколько причин. Основная – нам хотелось детям дать марийский язык. Научиться марийскому языку. Вот этот способ – погружение. Погружение в эту атмосферу марийскую» (№ 9, Ж., 50).

В детстве, проживая вне малой родины, многие респонденты поддерживали контакты с марийской деревней. В одних случаях визиты были краткими – «приезжали на пару дней по гостям», «на новогодние праздники» (и слышали, как взрослые и дети вокруг активно используют марийский, и «тогда сами что-то начинали понимать»), в других – оставались на всё лето (и была возможность активировать марийский). Те, кто приезжал редко и издалека, получали особый опыт

погружения в *марийскую атмосферу*: «В Башкирию мы приезжали, тут были родственники, раз в год. Но со мной в деревне старались на русском. Как с иностранцем. Потому что я с Казахстана приехала» (№ 6, Ж., 47). В основном такие дети выступают среди деревенских сверстников очагом распространения русского языка. «Когда я приезжала в деревню, там жили двоюродные сестры. Моя тетя просила меня разговаривать в деревне на русском языке: она хотела, чтобы девочки без акцента научились разговаривать на русском. Поэтому на марийском я знала несколько ключевых слов – приветствие, когда звали меня кушать или когда что-то было делать нельзя» (№ 15, Ж., 51).

Погружение в языковую среду означает установление контакта с *традиционными носителями*. Под традиционными носителями подразумеваются лица, освоившие язык в семье и в сообществе, где этот язык является способом первичной социализации [Sallabank, 2013, p. 13]. Сообщество, как предполагается, имеет сильную историческую ассоциацию с языком [O'Rourke, 2018, p. 267], а язык твердо связан с территорией. Отсюда возникает и прочная ассоциация между языком и определенным местом, точнее *опытом* определенного места: язык «прикован» к местности, именно здесь и *только* здесь на этом языке разговаривают. Отношение между языком и местом существует не просто как ассоциация между языком и географической территорией, но охватывает связь между местом и особой социоисторической траекторией [Smith-Christmas, 2018, p. 143]. Традиционные носители могут и не владеть нормами литературного языка, их речь насыщена фразеологизмами и регионализмами [Sallabank, 2013, p. 14], тем не менее они воспринимаются в качестве хранителей *чистой, аутентичной* или *легитимной* формы языка [O'Rourke, 2018, p. 267]. Анализ условий формирования данного понятия и его устойчивого использования в научном и политическом дискурсе приводится в работе [O'Rourke et al., 2015, p. 6–9]. Здесь же ограничимся одним примером: стремление к лингвистической «чистоте» в традиционных диалектологических работах обусловило интерес исследователей преимущественно к определенному типу информантов, так называемым NORMs: non-mobile, old, rural, male (немобильный, пожилой, сельский, мужчина. – М. К.) [O'Murchadha et al., 2018, p. 6]. Концепция и идеал традиционного носителя языка глубоко укоренились в лингвистике и в нашем представлении о языке в целом [O'Rourke et al., 2015, p. 6–9]. Такие определения, как *подлинный, чистый, врожденный*, часто ассоциируются с речью традиционных носителей языка, тогда как употребление языка не-носителями воспринимается как *искусственное, контаминированное, приобретенное* [O'Rourke, 2018, p. 267].

Как показали тематические исследования лингвистических идеологий, легитимность (авторитет) языка в современном обществе подкрепляется одним из двух идеологических комплексов: аутентичностью или анонимностью. Идеология аутентичности определяет ценность языка в его связи с сообществом. В соответствии с этой логикой идиомы считаются глубоко укоренившимися на социальной и географической территории, они обязательно должны быть локальными, «родом откуда-то». Аутентичность является легитимирующей идеологией миноритарных языков, отсюда и важность акцента, он сигнализирует в первую очередь о том, кто вы, а не что вы говорите. Идеология анонимности, напротив, присуща большим языкам, это, по сути, «взгляд из ниоткуда», в нем не проявляются интересы и опыт исторически определенной социальной группы. Иначе говоря, в миноритарных языках ценится прежде всего социальная индексированность, тогда как в больших языках первостепенна референтная функция. С утратой социальных

корней язык становится языком «из ниоткуда» [Woolard, 2008, p. 303–309]. Новые носители стремятся к идеалу традиционного носителя [O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 104], в этом смысле освоение этнического языка новыми говорящими будет способствовать «завершению их идентификации» [Jaffe, 2015, p. 33].

В изучаемых сообществах лиц, которые не владеют марийским, называют *руш мари* (русский мариец. – М. К.) и *аракма мари* (бесплодный, незрелый мариец. – М. К.). «У меня марийский-то с диалектом, на русский манер. Всегда шутили мои: “О, аракма мари” – ну, то есть как русская маришка! Но это в детстве, сейчас так не называет никто. Может, подумают, но не скажут. А в детстве только говорили в шутку. Это не смущало. Просто честно сказали, что ты больше разговариваешь с русским акцентом» (№ 17, Ж., 56). «Когда мы переехали, я в начальном классе был. Меня бабушки спрашивали на улице: “Кӧн эргыже улат?”. “Это чей?” – говорят. Моя одноклассница говорит: “Это руш мари”. В детстве я плохо разговаривал на марийском, говорили, что я руш мари. Это меня задевало очень сильно, потому что я знал, что я чистый мариец, могу разговаривать, всё понимаю, но всё равно считали меня руш мари» (№ 10, М., 17).

Поскольку связь между аутентичностью и идентичностью довольно крепкая, это влияет на использование миноритарного языка говорящими, которые не соответствуют идеалу традиционного носителя языка: они воспринимают свою речь как *неестественную* и *неаутентичную* и в некоторых случаях могут вообще прекратить употреблять этот язык [O'Rourke, 2018, p. 269]. Респонденты подчеркивали, во-первых, «свой акцент», «немножко неправильную речь», во-вторых, со стороны традиционных носителей – улыбки, насмешки, исправления, иногда полное непонимание *такого* марийского. «Замечал улыбки на лицах, когда я обращался к ним на родном. Это выглядело, наверное, забавно. Я ведь думал по-русски, только слова были марийские. Предложения неправильно составлял, выговор, интонация были не наши. Иной раз поправляли: “Так не говорят!”» (№ 1, М., 56). «Когда я приехала, мне было интересно, я начала говорить на марийском языке, пока мне не сказали: “Ой, как интересно разговариваешь, акцент у тебя такой!”. И тут у меня какой-то ступор, я начала стесняться. Это были мои коллеги, для них это было смешно, а мне вот как-то... И больше я не стала смешить народ» (№ 6, Ж., 46). «Вначале у меня были какие-то попытки, думала, вольюсь. Но в какой-то момент я почувствовала некомфортно, к тому же девочки часто меня высмеивали на марийском, сплетничали при мне на марийском – про меня же. Были нападки со стороны одноклассниц: что я плохо что-то выговариваю. Они смеялись надо мной, когда я пыталась разговаривать» (№ 13, Ж., 23). «Были такие нехорошие слова на уроках физкультуры, когда что-то не получается. Они думали, что я не понимаю, вообще не знаю. На русском же я с ними разговаривала. Немножко стеснялась на марийском. Мне как-то самой было некомфортно говорить. Потому что это будет акцент. Потому что у меня четко русский был с трех лет почти. И как-то нелепо бы выглядела» (№ 11, Ж., 42). «Я был в местной бригаде рабочих, пытался говорить с ними на марийском языке. Они меня слушали-слушали, а потом сказали: “Скажи по-русски, ничего не понятно!”» (№ 12, М., 49). Опрошенные подчеркнули необходимость тактичного, бережного, терпеливого к ним отношения, а также «меньше обижаться самим». Подобная ситуация характерна и для других миноритарных сообществ: с одной стороны, подтрунивание, гиперкоррекция («у нас так не говорят»), «непонимание такого языка», с другой – неуверенность, незащищенность и, как следствие, демотивация новых говорящих [Jaffe, 2015, p. 34].

Для новых носителей чрезвычайно важно найти своего собеседника, с которым спокойно и комфортно. Для многих *источником марийского* была бабушка. Бабушка редко или вовсе не использовала русский язык, внукам приходилось говорить с ней на марийском. «Я язык не забывала, потому что у нас была бабушка-марийка, по-русски вообще не понимала. Она была глуховатая, и ей надо было объяснять в ухо только по-марийски. И поэтому мы с детства, хотя жили в Казахстане, не забывали этот язык» (№ 11, Ж., 42). Интересно, что самая старшая женщина в семье обучала языку не только своих внуков. «А начала я хорошо говорить благодаря его (мужа. – М. К.) бабушке. Она была уже старенькая, слепая, реснички у нее заворачивались внутрь глазного яблока, глаз слезился. Сначала ей дочь выщипывала, потом это ко мне перешло, когда я появилась. И вот мы вместе с ней оставались один на один около часа, и она всегда со мной говорила по-марийски. Я тык-мык как сломанная машина: то по-русски, то по-марийски. Так продолжалось несколько лет. И однажды, а уже большое время прошло, она перед смертью призналась дочери: “Я с вашей снохой специально разговариваю по-марийски, чтобы она начала говорить!”. Я, говорит, притворяюсь, что не говорю по-русски» (№ 9, Ж., 50). В других случаях марийскому языку обучала респонденток свекровь, иногда это и бабушка-соседка.

В браке состоят 16 респондентов, у 14 из них супруг(а) – мари; 11 чел. в браке с владеющими марийским, трое – с *вернувшимися* марийцами. Брак с *деревенским* марийцем и контакты с родней часто, но не всегда, способствуют (ре)активации языка. Брак с человеком, не владеющим марийским, может быть комфортным (общение на привычном русском), но побуждать к совместному использованию марийского в секретной, эмоциональной, символической функциях. Дети респондентов, рожденные в *марийских* браках, в основном являлись учащимися марийских классов.

Домашняя работа по марийскому с детьми была возможным источником языка для новых говорящих, особенно женщин. Другое дело, что в школе изучается литературная норма, отличная от идиомов, распространенных в старых диаспорах. Это вызывает трудности. Читать марийскую литературу таким опрошенным сложно: «Пыталась читать на марийском, уже будучи взрослой, мне самой был нужен словарь. Вот как английский со словарем. Я всего несколько страниц прочитала» (№ 4, Ж., 44). «Книги на марийском почти не читаю, потому что литературный язык труден для восприятия. Я не получаю удовольствия от чтения: мне приходится прочитать, а потом это расшифровывать. Это и мой уровень, и наш местный вариант» (№ 15, Ж., 51). Респонденты, вернувшиеся школьниками, стали изучать марийский в школе. «Сначала ничего не понятно было, это же литературный язык. Сложновато было. Но я читала, много читала» (№ 7, Ж., 39). «Силом я прочитал классическую литературу марийскую. Но разговаривал с родственниками в первую очередь» (№ 1, М., 58). «Если это марийская литература, долго читать на марийском я не могу. Мой мозг начинает выключаться на большом количестве неизвестных слов» (№ 13, Ж., 23). Газеты на марийском читают лишь некоторые участники, башкирские марийцы, поскольку в республике выходят местные марийские газеты. В основном опрошенные читают на русском. В социальных сетях не все решаются писать по-марийски.

С переездом модифицировались речевые практики респондентов с родителями: в общении стало больше марийского. Одни полностью перешли на марийский, другие находят это сложным: «С мамой не разговариваю по-марийски: здесь же ты понимаешь, что она знает по-русски» (№ 4, Ж., 44). Родители, случается,

выражают сожаление о том, что не передали в полной мере марийский язык следующему поколению. «Когда отец умирал, он матери сказал: “Мы сделали очень плохое дело – не научили детей своему родному языку”» (№ 1, М., 58).

Сейчас более половины респондентов употребляют марийский во внутрисемейном общении, стараются использовать марийский с детьми, говорят по-марийски и в коллективе: в столовой, библиотеке, школе, магазине, рабочей бригаде, на ферме, почте.

Практически все опрошенные признают роль марийского в их приобщении к этнической культуре и религиозной обрядности. Одной из причин формирования старых марийских диаспор в Башкортостане и Татарстане было желание сохранить веру предков – до сих пор многие придерживаются традиционных марийских верований и обрядов, почитают природные силы. «Я иду на природе, выговариваюсь. На марийском. Обязательно на *памаш* (родник. – М. К.) иду, умываюсь и прошу у родника, у Юмо (Бога. – М. К.) всего хорошего. Бабушка и мама научили. Если бы мы не вернулись, я б, наверное, не умела этого» (№ 7, Ж., 39). Коллективные моления *кумалтыш* в роще проходят на марийском, допускается индивидуальное посещение рощи в случае необходимости. Респонденты, которые могли прежде использовать в личных обращениях к Богу русский, теперь молятся на марийском. На этническом языке проводят и обрядовую часть на значимых марийских праздниках дома. «Потому что всё-таки приходят как бы предки наши, и вот это – *мончаш каена* (в баню пойдём – М. К.), то есть, хоть и на ломаном марийском, – я с ними стараюсь говорить. Я не готовлюсь, оно само как-то идет» (№ 6, Ж., 47). Также респонденты приобщались к языку через песни на марийском. Двое мужчин в выборке являются *картами* (жрецами). Незнание литературного языка, недостаточное владение марийским сдерживало и тяготило их, когда община предложила им стать учениками карта. Однако сейчас оба уверены в том, что это стало важным каналом соединения с духовной культурой и языком, принятия в сообщество.

Приобщение к духовной культуре марийцев является в представлении респондентов их высшим достижением. «Потому что каждый язык – он оберегает тебя. Своя культура оберегает, защищает, помогает, направляет тебя куда надо» (№ 5, Ж., 50).

Заключение

Вследствие глобализации, миграций, урбанизации размываются традиционные языковые сообщества, появляются говорящие, чьи языковые биографии, обстоятельства овладения языком и мотивации представляются более разнообразными и нюансированными в сравнении с биографиями протитипических «носителей языка». Наличие идеализированных социокультурных и лингвистических моделей в традиционном языковом сообществе приводит к делигитимизации новых носителей, помещая их в самом низу социально конструируемой социолингвистической иерархии. В своих притязаниях на легитимность новые носители нарушают социокультурные профили воображаемого идеального носителя, выходя за рамки того, что считается *аутентичным*, *допустимым* и *правильным* использованием языка. А значит, новые носители, по крайней мере имплицитно, бросают вызов распространенной в языковом сообществе концептуализации относительно того, какими должны быть говорящие на том или ином языке и какими должны быть их лингвистические практики [Ó Murchadha et al., 2018, p. 1–8]. Раскол, ко-

торый привносится в сообщество носителей миноритарных языков новыми носителями, подрывает устоявшиеся идеологии, связанные с языком и идентичностью [O'Rourke et al., 2015, p. 15], что заставляет исследователей пересмотреть отдельные аспекты социолингвистики с учетом множественности языков, социальных групп, сообществ [O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 94] и порождает дискуссии о языке, принадлежности к группе, легитимности [O'Rourke, 2018, p. 265].

Относительно общих мест и различий в принятии и интеграции новых носителей марийского в старых и новых диаспорах было выявлено следующее. Новые говорящие в старых диаспорах имеют постоянный контакт с языком, тогда как в новых диаспорах связь с языком носит эпизодический характер. В старых диаспорах интеграция в сообщество медленная. В диаспоре московского региона, где сосредоточены выходцы из разных регионов проживания марийцев, этот процесс идет быстрее: марийцы становятся *более открытыми* другим марийским идиомам и терпимыми к различиям между ними. Тем не менее, новых носителей в обоих типах диаспор объединяет тот факт, что, хотя они остаются преимущественно на крайней периферии сообщества, они являются важным фактором, способствующим витальности языка в диаспоре, поскольку в своем стремлении овладеть этническим языком препятствуют языковому сдвигу [Куцаева, 2021, с. 30]. Учитывая, что традиционные языковые сообщества будут подвергнуты дальнейшим трансформациям и частью этих групп станут говорящие с разным уровнем компетенций и знаний, приобретенных из различных каналов [Jaffe, 2015, p. 24], необходимо привлекать внимание представителей традиционного сообщества к проблеме новых говорящих в местах компактного проживания. Наши респонденты на собственном опыте остро чувствуют это. «Никогда не надо этих марийцев отвергать от себя. Некоторые презирают: “Вот ты аракма, не настоящий, не чистый мариец”, и так далее. В современной ситуации нельзя их отвергать, наоборот, надо их поощрять всячески! Духовность, корни марийцев – в деревне» (№ 1, М., 58).

Список литературы

- Куцаева М. В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. № 2. С. 5–34.
- Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44.
- Сенеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.
- Farfán J. A. F., Olko J. Types of Communities and Speakers in Language Revitalization // Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide / Ed. by J. Olko, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2021. P. 85–103.
- Grinevald C., Bert M. Speakers and communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages / Ed. by P. K. Austin, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2011. P. 45–65.
- Jaffe A. Defining the new speaker: Theoretical perspectives and learner trajectories // International Journal of the Sociology of Language. 2015. No. 231. P. 21–44.
- Ó Murchadha N. P., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M. New Speakers, Familiar Concepts? // New Speakers of Minority Languages / Ed. by C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–22.

O'Rourke B. New Speakers of Minority Languages // The Routledge Handbook of Language Revitalization / Ed. by L. Hinton, L. Huss, G. Roche. New York; London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. P. 265–273.

O'Rourke B., Pujolar J., Ramallo F. New speakers of minority languages: The challenging opportunity // International Journal of the Sociology of Language. Special Issue. 2015. No. 231. P. 1–20.

O'Rourke B., Ramallo F. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician // New Speakers of Minority Languages / Ed. by C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 91–109.

Sallabank J. Attitudes to endangered languages: Identities and Policies. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2013. 271 p.

Smith-Christmas C. Land, Language and Migration: World War II Evacuees as New Speakers of Scottish Gaelic // New Speakers of Minority Languages / Ed. by C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 131–150.

Woolard K. A. Language and identity choice in Catalonia: The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority // Lengua, nación e identidad. La regulación del plurilingüismo en España y América Latina / Ed. by K. Süselbeck, U. Mühlischlegel, P. Masson. Madrid; Frankfurt am Main: Iberoamericana-Vervuert Verlag, 2008. P. 303–324.

Список источников

ВПН – Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том5_tab5_VPN-2020.xlsx (дата обращения 04.03.2025).

References

Farfán J. A. F., Olko J. Types of Communities and Speakers in Language Revitalization. In *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*. J. Olko, J. Sallabank J. (Eds.). Cambridge Uni. Press, 2021, pp. 85–103.

Grinevald C., Bert M. Speakers and communities. In *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. P. K. Austin, J. Sallabank (Eds.). Cambridge Uni. Press, 2011, pp. 45–65.

Jaffe A. Defining the new speaker: Theoretical perspectives and learner trajectories. *International Journal of the Sociology of Language*. 2015, no. 231, pp. 21–44.

Kutsaeva M. V. Novye nositeli mariyskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality]. *Rodnoy Yazyk* [Mother Tongue]. 2021, no. 2, pp. 5–34.

Kutsaeva M. V. Mariyskiy v Moskve: k voprosu o sokhrannosti etnicheskogo yazyka v usloviyakh vnutrenney diaspory [The Mari language in Moscow: The problem of ethnic language preservation in the conditions of an internal diaspora]. *Finno-Ugric Studies*. 2022, no. 63, pp. 30–44.

Ó Murchadha N. P., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M. New Speakers, Familiar Concepts? In *New Speakers of Minority Languages*. C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty (Eds.). Palgrave Macmillan, London, 2018, pp. 1–22.

O'Rourke B. New speakers of minority languages. In *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. L. Hinton, L. Huss, G. Roche (Eds.). Routledge, Taylor & Francis Group, New York and London, 2018, pp. 265–273.

O'Rourke B., Pujolar J., Ramallo F. New speakers of minority languages: The challenging opportunity. In *International Journal of the Sociology of Language. Special Issue*. 2015, no. 231, pp. 1–20.

O'Rourke B., Ramallo F. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician. In *New Speakers of Minority Languages*. C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty (Eds.). Palgrave Macmillan, London, 2018, pp. 91–109.

Sallabank J. *Attitudes to endangered languages: Identities and Policies*. Cambridge University Press, 2013, 271 p.

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya mariytsev* [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006, 200 p.

Smith-Christmas C. Land, Language and Migration: World War II Evacuees as New Speakers of Scottish Gaelic. In *New Speakers of Minority Languages*. C. Smith-Christmas, N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty. Palgrave Macmillan (Eds.). London, 2018, pp. 131–150.

Woolard K. A. Language and identity choice in Catalonia: The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority. In *Lengua, nación e identidad. La regulación del plurilingüismo en España y América Latina*. K. Süselbeck, U. Mühlischlegel, P. Masson (Eds.). Madrid-Frankfurt am Main, Iberoamericana-Vervuert Verlag, 2008, pp. 303–324.

List of sources

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 goda [The All-Russian Census of 2020]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx (accessed 04.03.2025)

Информация об авторе

Марина Васильевна Куцаева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Scopus Author ID 57221937702

WoS Researcher ID ABD-8944-2021

Information about the author

Marina V. Kutsaeva, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics, RAS (Moscow, Russian Federation)

Scopus Author ID 57221937702

WoS Researcher ID ABD-8944-2021

Статья поступила в редакцию 18.03.2025;

одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 30.04.2025

The article was submitted on 18.03.2025;

approved after reviewing on 30.04.2025; accepted for publication on 30.04.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2